

Неравенство возможностей: трактовка, методы и проблемы оценки*

З. Ф. Ибрагимова¹, М. В. Франц²

¹ Башкирский государственный университет,
Российская Федерация, 450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32

² Уфимский государственный авиационный технический университет,
Российская Федерация, 450000, Уфа, ул. К. Маркса, 12

Для цитирования: Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. (2020) Неравенство возможностей: трактовка, методы и проблемы оценки. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 36. Вып. 4. С. 624–652. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.404>

Предметом исследования статьи выступает теория равных возможностей и ее продуктивность в изучении взаимосвязи неравенства и экономического роста. Актуальность работы обусловлена ростом неравенства во всем мире и негативной оценкой этого процесса широкими слоями общества, отсутствием в современной экономической теории консенсуса по поводу направления связи между неравенством и экономическим ростом, а также противоречивостью результатов ее эмпирических исследований. Основная гипотеза исследования состоит в том, что упомянутые теоретические и эмпирические противоречия могут быть разрешены путем выделения двух компонентов неравенства — неравенства возможностей и неравенства усилий — и оценки влияния каждого из них на экономический рост. Необходимость дифференциации неравенства возможностей и неравенства усилий обоснована в рамках теории равных возможностей. В статье кратко представлены ее возникновение, развитие и современное состояние. Установлено, что в настоящее время хорошо разработаны методы измерения неравенства возможностей и выполнена их апробация на микроданных многих стран, в том числе и России. Кроме того, на теоретическом уровне описаны механизмы обратного влияния неравенства возможностей и прямого влияния неравенства усилий на экономический рост. Вместе с тем эмпирических исследований, направленных на изучение связи между неравенством возможностей, неравенством усилий и экономическим ростом, очень мало. В практическом плане работы по неравенству возможностей интересны тем, что они смещают цели и приоритеты государственной политики от выравнивания результатов к выравниванию возможностей, позволяя двигаться одновременно как к более справедливому, так и к более экономически эффективному общественному устройству.

Ключевые слова: неравенство, неравенство возможностей, неравенство достижений, факторы-усилия, факторы-обстоятельства, экономический рост, теория равных возможностей.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-410-020017).

Введение

В связи с усилением социально-экономического неравенства в большинстве стран мира, начавшимся примерно в 1980-е гг. и сопровождающимся обострением социального восприятия этой проблемы, в экономической науке актуализировались как теоретические, так и эмпирические исследования, направленные на оценку связи между неравенством и экономическим ростом. Консенсус по данному вопросу до сих пор не достигнут, и учеными предложено много аргументов в обоснование и прямого и обратного направления связи между этими показателями. Результаты многочисленных эмпирических работ также противоречивы, что только обостряет сложившуюся ситуацию. Оригинальную идею в дискуссию привнесла теория равных возможностей, сформировавшаяся во второй половине XX в. в ходе развития эгалитарной теории социальной справедливости.

Теория равных возможностей состоит в том, что важно различать два источника неравенства: неравенство возможностей, обусловленное факторами вне индивидуального контроля, и неравенство усилий, порожденное факторами, контролируемыми индивидом. В теории равных возможностей неравенство возможностей трактуется как неравенство, за которое в справедливом обществе индивид не должен нести ответственность. Неравенство усилий, напротив, находится в зоне ответственности индивида, поэтому является справедливым.

Такой взгляд на источники неравенства породил гипотезу о том, что при исследовании влияния неравенства на экономический рост необходимо сначала выделить две указанные составляющие, которые, скорее всего, оказывают на него разное воздействие: неравенство возможностей — отрицательное, а неравенство усилий — положительное. Этим и объясняется противоречивость результатов оценки влияния общего неравенства на экономический рост.

Выдвинутая гипотеза стимулировала появление исследований, направленных на измерение неравенства возможностей и его влияния на экономический рост. В российском научном сегменте, однако, рассматриваемое направление до сегодняшнего времени не получило своего развития. Данная работа ставит своей целью заполнить существующий пробел в отечественной экономической литературе.

В задачи настоящего исследования входят:

- обзор возникновения и развития теории равных возможностей;
- описание дискуссии о направлении влияния неравенства на экономический рост и приложении теории равных возможностей к этой проблеме;
- обсуждение методов измерения неравенства возможностей;
- критический анализ эмпирических работ, посвященных оценке вклада неравенства возможностей в неравенство доходов и заработной платы и изучению связи между неравенством возможностей и экономическим ростом.

1. Теория равных возможностей: включение категории ответственности в теорию социальной справедливости

Теория равных возможностей появилась в процессе развития эгалитарной теории социальной справедливости в результате критики эгалитаризма благосостояния. В рамках последнего справедливое общество определялось как общество,

благополучие членов которого одинаково. Здесь важно отметить, что понимание благополучия в эгалитаризме отличается от толкования благополучия как такового в русском языке. Под благополучием в эгалитаризме подразумевается или уровень наслаждения индивида своей жизнью (гедонистическое благополучие), или степень удовлетворенности индивидуальных предпочтений, т. е. степень того, насколько жизненная ситуация индивида близка к той, которая видится ему в качестве идеала (благополучие как удовлетворение предпочтений).

Впервые научно обоснованная критика эгалитаризма благополучия прозвучала в [Rawls, 1971]. По мнению автора, следуя эгалитаризму благополучия, такие явления, как дорогостоящие привычки и оскорбительное поведение, должны считаться приемлемыми, поскольку их удовлетворение способствует росту благополучия, в то время как они очевидно несправедливы. В этой работе предлагается другое понимание того, какое равенство (равенство чего?) должно достигаться в справедливом обществе, — представлена концепция равенства первичных благ. Под первичными благами Д. Роулс понимает средства, необходимые индивидам для реализации своих жизненных планов, распределение которых формируется базисной структурой общества. К ним относятся прежде всего права, свободы, возможности, доходы и богатство. Таким образом, идея Д. Роулса состоит в том, что в справедливом обществе должно быть обеспечено не равенство благополучия, а равенство первичных благ. Различия в благополучии, возникающие в связи с разными жизненными планами индивидов и разным использованием первичных благ, не являются, по его мнению, несправедливыми.

А. Сен в своей знаменитой лекции под названием «Равенство чего?» [Sen, 1980] обсуждал вопрос о той мере, которую должны применить сторонники эгалитаризма для оценки степени реализованности их идеала в конкретном обществе. Эта лекция стимулировала обширную научную дискуссию о том, что же, если не равенство благополучия, должно стать целью выравнивания в эгалитаризме. Большой вклад в нее был сделан Р. Дворкиным [Dworkin, 1981a; 1981b], который также подверг критике эгалитаризм благополучия и предложил концепцию равенства ресурсов. Ресурсы в понимании Р. Дворкина шире, чем первичные блага Д. Роулса, и включают, помимо них, так называемые внутренние ресурсы, представляющие собой совокупность врожденных индивидуальных характеристик типа талантов и неполноценностей.

Видение того, что должно быть выровнено в справедливом обществе, — концепцию равных возможностей для благополучия — предложил Р. Арнесон [Arneson, 1989; 1990]. Он представил справедливое общество следующим образом: «Сконструируем дерево решений, описывающее возможные варианты формирования жизненной траектории индивида. Затем с учетом индивидуальных предпочтений дадим оценку благополучия, достигаемого при каждом из вариантов... Равные возможности для благополучия достигаются, если благополучия наилучших вариантов (а также второго, третьего и т. д. наилучших вариантов) одинаковы для всех индивидов» [Arneson, 1990, с. 85–86]. Таким образом, автор предлагает выравнивать уровни не фактического, а гипотетического благополучия индивидов при одинаковой степени правильности принимаемых ими решений с позиций максимизации собственного благополучия. Иными словами, идея Р. Арнесона состоит в том, чтобы выравнивать потенциальные возможности достижения благополучия

и возложить на индивида ответственность за то, что именно его фактические решения привели к формированию благосостояния, отличающегося от благосостояния тех, кто имел те же потенциальные возможности, но принимал другие решения.

Еще одна концепция эгалитарного идеала приведена в работе [Cohen, 1989] — концепция равного доступа к преуспеваю. По мнению Г. Коэна, препятствия к преуспеваю могут быть двух видов — нехватка ресурсов (в понимании ресурсов по Р. Дворкину) и дороговизна их применения (применение ресурса тем дороже, чем сильнее приводит к снижению индивидуального благосостояния). Согласно теории, в справедливом обществе оба вида препятствий должны быть элиминированы при условии, что эти препятствия носят недобровольный характер, т. е. не являются следствием собственных решений индивида. Таким образом, концепция Г. Коэна представляет собой нечто промежуточное между концепциями равенства ресурсов и равенства благосостояния.

Наличие разных взглядов на понимание того, что именно должно выравняться, породило внутренний спор в теории равных возможностей, известный как проблема определения границы ответственности. В свете данной проблемы факторы, влияющие на индивидуальные достижения (т. е. то, что имеет ценность для всех индивидов или для большинства из них, например уровень дохода, образования, здоровья, богатства и т. д.), делятся на четыре группы:

- 1) внешние по отношению к индивиду неконтролируемые факторы-обстоятельства (например, раса, пол, семья и социально-экономическая среда, в которой он рожден, место рождения и т. п.);
- 2) внутренне присущие индивиду характеристики, формирующие его индивидуальность, которые, однако, в значительной мере им не контролируются (таланты, способности, вкусы, предпочтения, физиологические и психологические особенности, зависящие в основном от генетики и особенностей воспитания и т. п.);
- 3) характеристики, отражающие свободный выбор и собственные усилия индивида (интенсивность работы, образовательные и миграционные усилия, семейный и родительский статус и т. п.);
- 4) случайные факторы, т. е. положительные или отрицательные события, не связанные с индивидуальными характеристиками, но тем не менее оказывающие влияние на индивидуальные достижения (рисунки).

В рамках деления факторов на указанные группы различают несколько подходов к определению справедливости, отражающих разное представление о том, за какие из этих групп факторов индивид должен нести ответственность: эгалитаризм выбора, эгалитаризм индивидуальности, а также меритократизм.

Сторонниками эгалитаризма выбора являются Р. Арнесон и Г. Коэн, позиция которых состоит в том, что индивид должен нести ответственность только за то, что с ним происходит вследствие его свободного выбора и усилий. С данной точки зрения, факторы третьей группы входят в зону ответственности индивида, а факторы первой и второй группы располагаются вне ее. Эгалитаризм индивидуальности, сторонником которого выступает Р. Дворкин, в дальнейшем поддержанный Т. Скэнлоном [Scanlon, 1988], состоит в том, что в зону ответственности индивида, помимо его свободного выбора и усилий, необходимо относить и то, что является частью его индивидуальности, даже если это им в значительной мере не контроли-

Рисунок. Проблема определения границы ответственности

Примечания: факторы второй и третьей групп могут частично зависеть от факторов первой группы (стрелки 1 и 2), факторы второй группы могут также влиять на факторы третьей группы (стрелка 3); существует несколько путей влияния внешних обстоятельств на неравенство достижения — напрямую (стрелка 4) и через их влияние на факторы второй и третьей групп (направления стрелок 1→5, 2→6, 1→3→6); кроме того, на индивидуальные достижения могут оказывать влияние случайные факторы (стрелка 7).

руется. Согласно данному критерию, факторы третьей и второй групп находятся в зоне индивидуальной ответственности, факторы первой группы — вне ее.

Кроме того, наличие прямого и косвенных каналов влияния обстоятельств на индивидуальные достижения порождает еще два подхода к неравенству возможностей. Первый подход, называемый меритократическим, основан на идее о том, что индивиды, прилагающие одинаковые усилия и делающие одинаковый выбор, должны достигать равных результатов. Иными словами, его сторонники считают, что нужно «перекрывать» только прямой канал влияния неконтролируемых факторов-обстоятельств на достижения и не затрагивать их влияние на усилия и выбор. Сторонники этого подхода обосновывают свою позицию тем, что вознаграждение не должно носить дискриминационный характер — оно должно зависеть только от индивидуальной производительности. Вторым подход, собственно теория равных возможностей, базируется на том, что нужно элиминировать и прямое и косвенное влияние обстоятельств на индивидуальные достижения.

Несмотря на отличия предложенных концепций, их объединяет ключевая идея, которая может быть сформулирована следующим образом: индивидуальные достижения являются результатом как произвольных обстоятельств (генетически predetermined индивидуальных характеристик, факторов семейного бэкграунда и т. п.), так и собственных усилий и выбора индивида, или, другими словами, факторов персональной ответственности. Неравенство, обусловленное факторами-обстоятельствами, несправедливо и должно быть элиминировано или скомпенсировано настолько, насколько это возможно (принцип компенсации).

Неравенство, выступающее следствием факторов персональной ответственности, является приемлемым (принцип естественной награды).

Дальнейшее развитие теории равных возможностей шло в направлении уточнения и математической формализации описанных идей. Огромный вклад в эту работу внесли У. Боссерт, М. Флербей, Д. Ремер, Д. Ван де Гаер. В [Bosset, 1995] предлагается и исследуется модель справедливого перераспределения доходов экономических агентов в зависимости от их индивидуальных характеристик, часть из которых относится к зоне персональной ответственности. Автор предлагает набор аксиом, отражающих принципы компенсации и естественной награды, и доказывает, что функция дохода, связывающая доход после перераспределения с индивидуальными характеристиками, должна обладать свойством аддитивной делимости, чтобы обеспечить существование перераспределения, удовлетворяющего данным аксиомам. В противном случае возникает противоречие между принципами компенсации и естественной награды. В дальнейшем авторы работы [Bosset, Fleurbaey, 1996] на базе той же модели попытались преодолеть это противоречие, предлагая другие, более слабые версии аксиом, отражающих принципы компенсации и естественной награды, и исследуя их на совместимость между собой. В большинстве случаев была доказана их несовместимость. В нескольких сочетаниях совместимость имела место, и для них авторы нашли и функцию дохода, удовлетворяющую обоим аксиомам.

Рассмотренные работы положили начало исследованию проблемы противоречия между принципами компенсации и естественной награды. В [Fleurbaey, Peragine, 2012] показано, что принцип компенсации может быть сформулирован в двух интерпретациях — постфактумной (*ex-post*) и упреждающей (*ex-ante*). Постфактумная интерпретация основана на изучении вариации достижений индивидов с одинаковыми усилиями и разными обстоятельствами, в то время как упреждающая — на вариации достижений индивидов с одинаковыми обстоятельствами. Авторы доказали, что в общем случае принципы *ex-post*- и *ex-ante*-компенсации несовместимы между собой.

Принцип естественной награды также существует в двух вариантах — в виде принципа либеральной награды и принципа утилитарной награды. М. Флербей и В. Перагин доказали, что оба варианта несовместимы с принципом *ex-post*-компенсации. В дальнейшем в [Ramos, Van de Gaer, 2016] был предложен третий вариант принципа естественной награды — принцип частичного вознаграждения усилия, а также доказано, что он несовместим с двумя другими принципами естественной награды. Таким образом, проблема математической формализации принципов компенсации и естественной награды, их совместимости между собой и поиска перераспределительных механизмов, обеспечивающих их соблюдение, в настоящее время далека от своего решения.

Весьма интересным является вопрос о том, близки ли идеи теории равных возможностей интуитивному пониманию справедливости обычными людьми. В этой связи необходимо обратить внимание на экспериментальные работы [Cappelen, Sorenson, Tungodden, 2010; Schokkaert, Devooght, 2003].

В исследовании [Cappelen, Sorenson, Tungodden, 2010] описывается оригинальный социальный эксперимент. На первом этапе испытуемому предлагается «заработать» путем набора текста на компьютере, причем его заработок зависит,

во-первых, от таланта, способностей, прилагаемых усилий, определяющих продуктивность работы, а, во-вторых — от свободного выбора (можно выбрать время работы) и, в-третьих, от неконтролируемого обстоятельства (ставки заработной платы, по которой работа оплачивается). На втором этапе индивиды объединяются в пары случайным образом и каждому сообщается, каким образом сформировался заработок оппонента, а затем предлагается справедливо разделить суммарный заработок.

Эксперимент показал, что практически все испытуемые не считали оппонента ответственным за неконтролируемое обстоятельство — ставку заработной платы. Более 75 % участников возлагали на оппонента ответственность за выбор времени работы; также многие считали его отвечающим за продуктивность. К сожалению, остается непонятным, почему испытуемые относили продуктивность к зоне ответственности индивида. Может быть, они считали, что продуктивность оппонента обусловлена его индивидуальной чертой — уровнем врожденного таланта к набору текста, — и на этом основании (следуя эгалитаризму индивидуальности) относили продуктивность к ответственности индивида. Возможно, они полагали, что продуктивность обусловлена свободным выбором трудового усилия, и поэтому считали ее зоной индивидуальной ответственности (следуя эгалитаризму выбора). Кроме того, возможен и такой вариант — по мнению испытуемых, производительность должна оцениваться одинаково вне зависимости от факторов, ее определяющих, что соответствует меритократическому подходу.

В работе [Schokkaert, Devooght, 2003] испытуемым, в роли которых выступали студенты университетов трех стран (Бельгии, Буркина-Фасо и Индонезии), предлагались кейсы. Каждый кейс описывал формирование доходов двух индивидов с указанием причин, по которым доход одного отличался от дохода другого. Испытуемый должен был справедливо перераспределить доходы этих индивидов. В разных кейсах причины отличий разнились между собой — или сознательный выбор продолжительности рабочего дня, или результат воспитания, или врожденный талант, или более высокий уровень образования. Практически все испытуемые возлагали на индивида ответственность за последствия его свободного выбора. Также значительная часть участников эксперимента относилась к зоне персональной ответственности и индивидуальные особенности.

В целом продемонстрированные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что интуитивное понимание справедливости разделяет идею теории равных возможностей — индивиды должны нести определенную степень ответственности за свои достижения.

2. Неравенство возможностей: экономическая проекция

Идея разделения неравенства на справедливый и несправедливый компоненты оказалась продуктивной для экономической науки применительно к изучению проблемы растущего социально-экономического неравенства. В этой связи целесообразно сначала обсудить ключевые моменты данной проблематики, а затем рассмотреть гипотезу о механизме взаимосвязи неравенства и экономического роста, подсказанную теорией равных возможностей.

2.1. Дискуссия по проблеме неравенства и его влияния на экономический рост

Дебаты на тему неравенства и его влияния на экономический рост активизировались в конце XX — начале XXI в. Это объясняется тем, что вслед за периодом сокращения неравенства в первые десятилетия после Второй мировой войны, уже начиная с 1980-х гг. произошел поворот в сторону его увеличения в большинстве стран мира [Аткинсон, 2018].

Восприятие данной проблемы в общественном сознании носит выражено негативный характер: согласно опросам американского исследовательского центра Pew Research Center, в основной части развитых стран мира именно растущий разрыв между богатыми и бедными расценивается населением как самая большая угроза миру, опережающая опасность распространения ядерного оружия, религиозной и этнической ненависти, СПИДа и других инфекционных заболеваний, а также загрязнения окружающей среды.

Следуя результатам опроса, проведенного Международной конфедерацией профсоюзов [International Trade Union Confederation, 2017; Global Poll, 2018], большинство людей считают, что нынешняя экономическая система «работает в интересах 1% самого богатого населения и против интересов рабочих». Опрос Oxfam в шести странах (Испания, Бразилия, Индия, Южная Африка, Великобритания и США) также показал, что, по мнению большинства (8 из 10 респондентов в Испании, например), законы искажены в пользу богатых, а «богатые имеют слишком большое влияние на то, куда направляется... страна» [Oxfam, 2014]. Такие результаты являются свидетельством того, что проблема носит крайне актуальный характер и общество не видит положительных тенденций ее решения.

В экономической науке существуют различные точки зрения на проблему неравенства: одни исследователи подчеркивают его негативные последствия, другие утверждают, что неравенство — это справедливый и естественный результат в рыночной экономике. Так, лауреат Нобелевской премии Р. Лукас пишет: «...из тенденций, вредных для здоровой экономической теории, самой обманчивой, и, на мой взгляд, самой пагубной является чрезмерное внимание к вопросам распределения... Возможность улучшить жизнь бедняков посредством различных способов распределения уже имеющейся продукции — ничто по сравнению с представляющимся безграничным потенциалом увеличения объемов производства» [Lucas, 2003, p. 8]. В другом исследовании подчеркивается, что «экономисты, обсуждающие ответные меры политики на растущее неравенство, часто играют роль политического философа-любителя» [Mankiw, 2013, p. 22]. Можно отметить и работы [Conard, 2016; Brook, Watkins, 2017], авторы которых предполагают, что усилия по противодействию росту неравенства окажут негативное влияние на функционирование капиталистических экономик.

Напротив, известный ученый-экономист Э. Аткинсон считал, что вопросы распределения имеют огромное значение для понимания функционирования экономики [Аткинсон, 2018]. Лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц указывает на то, что увеличение экономического неравенства является причиной целого ряда общественных проблем, таких как дефицит социальной сплоченности, рост преступности, ухудшение здоровья населения, подростковая беременность, ожире-

ние, которые, в свою очередь, негативно влияют на экономическую эффективность [Стиглиц, 2015]. Есть и другие работы, в которых растущее неравенство в распределении доходов и богатства рассматривается в качестве важной социальной проблемы [Piketty, 2014; Collins, 2016; Milanovic, 2016; Sitaraman, 2017; Boushey, Bradford, Steinbaum, 2017].

В рамках обсуждения проблемы неравенства существует острая дискуссия о направлении влияния неравенства на экономический рост. Аргументы сторонников прямого влияния состоят в следующем [Bradbury, Triest, 2016]:

- неравенство благотворно отражается на темпах экономического роста, так как богатые имеют большую склонность к сбережению, чем бедные (гипотеза Калдора). Поэтому экономики с большим неравенством имеют более высокую норму накопления, что способствует ускорению темпов экономического роста;
- продуктивность индивидов зависит от их ненаблюдаемых усилий. Выравнивание вознаграждения приводит к снижению стимулов к работе и прилагаемых усилий, что замедляет экономический рост;
- вследствие того, что инвестиционные проекты часто связаны с большими невозвратными расходами, для развития новых технологичных сфер деятельности необходима значительная концентрация богатства.

Сторонники обратного влияния неравенства на экономический рост выдвигают такие аргументы [Bradbury, Triest, 2016]:

- несовершенство рыночных механизмов приводит к тому, что больший приоритет отдается проектам, инициируемым богатыми, вместо того чтобы отбирать наиболее экономически эффективные;
- высокий уровень неравенства способствует недостаточной реализации человеческого капитала менее обеспеченных членов общества, тем самым замедляя экономический рост;
- большее неравенство содействует появлению более активной перераспределительной политики, которая приводит к выраженным налоговым диспропорциям, снижающим стимулы для индивидуального развития и инвестирования в человеческий капитал.

Следовательно, неравенство влияет на экономический рост посредством задействования большого количества механизмов. Итоговый эффект зависит от того, какие из них доминируют. Это подтверждается и результатами эмпирических работ.

Многочисленные исследования, предпринятые для определения направления связи между неравенством и экономическим ростом, дают противоречивые результаты и в целом выглядят неубедительно. Среди работ, в которых подтверждено наличие обратной связи между указанными двумя переменными, можно назвать [Alesina, Rodrik, 1994; Persson, Tabellini, 1994; Sukiassyan, 2007; Majumdar, Partridge, 2009; Ogun Binatli, 2012; Wahiba, El Weriemmi, 2014; Henderson, Qian, Wang, 2015; Tuominen 2016 a, b; Babu, Bhaskaran, Venkatesh, 2016]. Напротив, авторы исследований [Partridge, 1997; Li, Zou, 1998; Forbes, 2000; Frank, 2009; Muinelo-Gallo, Roca-Sagalés, 2013; Chan, Zhou, Pan, 2014; Cingano, 2014; Fang, Miller, Yeh, 2015; Nahum, 2005; Rubin, Segal, 2015] пришли к выводу о существовании прямой связи между неравенством и экономическим ростом.

Таким образом, вопрос о направленности связи между неравенством и экономическим ростом достаточно продолжительное время находится в фокусе внимания исследователей, при этом до сих пор не получено убедительных доказательств в пользу той или иной позиции.

2.2. Разные источники неравенства — разное влияние на экономический рост

Теория равных возможностей навела экономистов на мысль о том, что противоречивость результатов оценки влияния неравенства на экономический рост связана с тем, что «комплексность происхождения» неравенства не учитывается. Появилась идея, согласно которой неравенство, обусловленное неравенством возможностей, негативно влияет на экономический рост, в то время как неравенство, определяемое неравенством усилий, напротив, оказывает на него положительный эффект.

Негативное влияние неравенства возможностей на экономический рост в целом объясняется тем, что формируемые им барьеры приводят к неполной реализации потенциала индивидов, что способствует уменьшению ресурсов и снижению агрегированного экономического результата.

Во-первых, это связано с несовершенством рынков. Рынки являются важнейшим механизмом, позволяющим индивидам конвертировать свои таланты, усилия, способности в экономические достижения. Если рыночные транзакции зависят от благосостояния или статуса их участников, то они одновременно и дискриминационны и неэффективны. Иллюстрации несовершенства рыночных механизмов приведены в [World Bank, 2005].

Первый пример связан с рынком капитала. Если бы рынок капитала был совершенен, то получение финансирования и процентная ставка кредита для старта или развития бизнес-проекта зависели бы только от его прибыльности и рискованности. В реальности же процентные ставки варьируют в значительной мере в зависимости от размера займа, кредитной истории, финансового состояния заемщика, и часто это не связано напрямую с ожидаемой отдачей на инвестиции. В результате финансирование могут получить менее эффективные проекты, в то время как более перспективные могут остаться без финансовой поддержки.

Другой яркий пример несовершенства рыночных механизмов связан с рынком труда. Существующая на рынке труда дискриминация по половому, национальному, расовому и другим признакам приводит к тому, что дискриминируемые группы, как правило, получают меньшее вознаграждение за свои таланты, умения, способности, усилия. Это способствует снижению их самооценки, усилий и производительности и, как следствие, снижению вклада в общий экономический результат.

Во-вторых, неравенство возможностей содействует замедлению развития институтов, определяющих стимулы и ограничения, с которыми сталкиваются люди, и обеспечивающих условия, в которых функционируют рынки. Сформировавшаяся система институтов является результатом сложных социально-экономических процессов, которые отражают интересы и политическое влияние различных социальных групп. Неравенство возможностей различных социальных групп в плане продвижения своих интересов приводит к формированию институтов, которые

консервируют неравенство власти, статуса и благосостояния, что негативно отражается на инвестициях и инновациях, а также создает риски для долгосрочного экономического роста. Хорошие экономические институты фундаментально связаны с идеей равенства — чтобы преуспевать, общество должно создавать стимулы к инвестиционной и инновационной деятельности для большинства населения.

Таким образом, теория равных возможностей «подсказывает» экономистам, что следует изучать не влияние неравенства на экономический рост, а воздействие на него отдельных составляющих — неравенства возможностей и неравенства усилий.

3. От теорий к эмпирике: оценка влияния неравенства возможностей на экономическое неравенство и экономический рост

3.1. Методы измерения неравенства возможностей

Ранние исследования по неравенству возможностей лежали в сфере социальной философии справедливости и не фокусировались на измерении неравенства возможностей на эмпирических данных. Д. Ромер внес весомый вклад в оценку неравенства возможностей, предложив математическое определение равенства возможностей: при равенстве возможностей условное распределение достижения при любом фиксированном наборе обстоятельств должно совпадать с его безусловным распределением [Roemer, 1998].

В наиболее общем виде модель взаимодействия достижения, обстоятельств и усилий можно представить так:

$$w_k = g(a_k^c, a_k^e, u_k^c, u_k^e, \varepsilon_k), \quad (1)$$

где w_k — достижение k -го индивида; a_k^c — вектор наблюдаемых факторов-обстоятельств; a_k^e — вектор наблюдаемых факторов-усилий; u_k^c — вектор ненаблюдаемых факторов-обстоятельств; u_k^e — вектор ненаблюдаемых факторов-усилий; ε_k — случайная ошибка, включающая влияние остальных факторов.

В настоящее время разработано много методов измерения неравенства возможностей, которые можно классифицировать по ряду оснований.

С точки зрения того, выбирается ли какой-то конкретный вид функции g и выполняется ли оценка ее параметров с использованием регрессионного анализа, различают параметрический и непараметрический подходы. В параметрическом подходе функция g считается известной и оценивается с помощью регрессионного анализа. При этом возможны вариации: оценивают либо функцию $g(a_k^c, a_k^e, \varepsilon_k)$, либо $g(a_k^c, \varepsilon_k)$, либо $g(a_k^e, \varepsilon_k)$. В непараметрическом подходе функция g предполагается неизвестной, однако считается, что она удовлетворяет определенным условиям, например монотонно возрастает с ростом усилий.

Как параметрический, так и непараметрический подходы имеют свои достоинства и недостатки. Достоинствами параметрического подхода является то, что он может работать и с дискретными, и с непрерывными переменными — обстоятельствами и усилиями, при этом непараметрический подход требует дискретных факторов. В целом, в силу ограничений в объемах реальных данных, параметрический подход на практике дает возможность включить в анализ большее количество

факторов, чем непараметрический. Кроме того, параметрический подход позволяет учитывать влияние факторов-обстоятельств на факторы-усилия, в то время как непараметрический строится на предположении о независимости усилий от обстоятельств. Однако параметрический подход подвержен ошибкам спецификации и в целом более сложен в вычислительном смысле.

С учетом того, как понимается равенство возможностей, имеются две его интерпретации: упреждающая, или *ex-ante*, постфактумная, или *ex-post*. Упреждающая интерпретация основана на идее о том, что равенство возможностей достигается тогда, когда средние достижения индивидов с разными обстоятельствами одинаковы. Постфактумная интерпретация базируется на том, что равенство возможностей достигается, если достижения индивидов с одинаковыми усилиями одинаковы.

Существуют два метода измерения неравенства возможностей — прямой и косвенный. В случае прямого метода получают контрфактическое (т.е. ненаблюдаемое в реальности, получаемое расчетным путем) распределение W^c , в котором элиминирована вариация, возникающая благодаря неравенству усилий, и сохранена вариация, обусловленная неравенством возможностей. Затем с использованием какой-либо меры неравенства I оценивается неравенство в W^c , и величина $I(W^c)$ выступает в качестве абсолютной меры неравенства возможностей.

Для оценки вклада неравенства возможностей в неравенство достижения рассчитывают относительную меру неравенства возможностей по формуле

$$\theta_c = I(W^c) / I(W), \quad (2)$$

где W — фактическое распределение достижения.

В случае косвенного метода получают контрфактическое распределение W^e , в котором элиминирована вариация, возникающая благодаря неравенству обстоятельств, и сохранена вариация, обусловленная неравенством усилий. Затем с использованием какой-либо меры неравенства I оценивается неравенство в W^e , и величина $I(W) - I(W^e)$ применяется в качестве абсолютной меры неравенства возможностей. Для оценки вклада неравенства возможностей в неравенство достижения рассчитывают относительную меру неравенства возможностей по формуле

$$\theta_c = [I(W) - I(W^e)] / I(W). \quad (3)$$

Кроме того, методы оценки неравенства возможностей отличаются тем, какие меры неравенства I в них используются. Выбор меры неравенства в первую очередь определяется типом переменной, измеряющей индивидуальное достижение, т.е. тем, является переменная достижения непрерывной, бинарной или порядковой. В случае непрерывной переменной можно применять такие меры неравенства, как индекс Джини, семейство обобщенных индексов энтропии (из которого наиболее широко распространены индексы Тейла L и T), семейство индексов Аткинсона, а при дискретной (бинарной и порядковой) переменной используются обычный и модифицированный индексы диссимилиации.

Выбор меры неравенства определяется свойствами, важными для измерения неравенства возможностей, такими как симметричность, чувствительность к трансферу, нечувствительность к умножению на число, нечувствительность

к репликации популяции, а также декомпозируемость, желательно аддитивная. В табл. 1 приведено описание перечисленных свойств, в табл. 2 показано их наличие у различных мер неравенства.

Таблица 1. Свойства, важные для мер неравенства

Свойство	Описание
Симметричность	Перестановка индивидов в популяции не приводит к изменению индекса неравенства
Чувствительность к трансферу	Если происходит передача блага, измеряемого рассматриваемой переменной, от менее обеспеченного этим благом к более обеспеченному, то мера неравенства должна возрасть
Нечувствительность к умножению на число	Если все значения переменной умножить на одно и то же положительное число, то индекс неравенства не должен измениться
Нечувствительность к репликации популяции	Репликация популяции, т. е. добавление к данной популяции второй такой же, не изменяет меру неравенства
Декомпозиция	Если популяция разбита на несколько непересекающихся частей, то неравенство во всей популяции можно представить как функцию от внутригрупповых индексов неравенства, внутригрупповых средних и объемов групп
Аддитивная декомпозиция	Если популяция разбита на несколько непересекающихся частей, то индекс неравенства всей популяции можно представить как сумму внутригруппового и межгруппового компонентов

Таблица 2. Наличие свойств у мер неравенств

Свойство индексов	Индекс Джини	Семейство обобщенных индексов энтропии	Семейство индексов Аткинсона
Интервал изменения	От 0 до 1	От 0 до max. Максимальное значение зависит от выбора конкретного индекса и размера популяции	От 0 до 1
Интерпретация	Индекс Джини равен 0, если вариация изучаемой переменной равна 0; с ростом индекса Джини неравенство нарастает	Индексы энтропии равны 0, если вариация изучаемой переменной равна 0; с ростом индекса индексов энтропии неравенство нарастает	Индексы Аткинсона равны 0, если вариация изучаемой переменной равна 0; с ростом индекса индексов Аткинсона неравенство нарастает
Симметричность	+	+	+
Чувствительность к трансферу	+	+	+
Нечувствительность к умножению на число	+	+	+
Нечувствительность к репликации популяции	+	+	+
Декомпозиция	-	+	+
Аддитивная декомпозиция	-	+	-

Примечания: «+» — мера неравенства обладает соответствующим свойством; «-» — мера неравенства не обладает соответствующим свойством.

Как видно из табл. 2, индекс Джини не обладает ни свойством декомпозиции, ни свойством аддитивной декомпозиции, поэтому меньше всего подходит для использования. Семейство обобщенных индексов энтропии обладает свойством аддитивной декомпозиции и поэтому соответствует требованиям в большей степени, семейство индексов Аткинсона обладает всеми важными свойствами, кроме аддитивной декомпозиции.

Исследования, в которых впервые предложены и апробированы методы оценки неравенства возможностей на микроданных, классифицированные по перечисленным выше основаниям, приведены в табл. 3.

Таблица 3. Базовые публикации по проблематике измерения неравенства возможностей

Автор	Подход	Интерпретация	Метод
[Checchi, Peragine, 2010]	НП	Ex-ante и ex-post	ПМ и КМ
[Bourguignon et al., 2007]	П	Ex-post	КМ
[Ferreira, Gignoux, 2011]	П	Ex-ante	ПМ
[Pistolesi, 2009]	П	Ex-ante	ПМ и КМ

Примечания: П — параметрический подход; НП — непараметрический подход; ex-ante — упреждающий подход; ex-post — постфактумный подход; ПМ — прямой метод; КМ — косвенный метод.

Описанные методы применимы к оценке неравенства возможностей к любым переменным достижения, необязательно измеряющим только экономическое неравенство. В последующем обзоре эмпирических результатов целесообразно ограничиться работами, в которых в качестве переменной достижения использовались экономические характеристики, а именно доход и (или) заработная плата.

3.2. Обзор эмпирических исследований, посвященных оценке неравенства возможностей в отношении доходов и заработной платы

Эмпирические работы по вкладу неравенства возможностей в экономическое неравенство имеют широкий географический охват. В данном обзоре подробно рассмотрены исследования, проведенные по Бразилии, США, Китаю и Индии, а также содержатся ссылки на публикации по Турции [Ferreira, Gignoux, Aran, 2011], Пакистану [Shaheen, Sarwar Awan, Ahmed Raza, 2016], Египту [Hassine, 2012; El Enbaby, Galal, 2015], некоторым африканским странам, включая Гану, Уганду, Кот-д'Ивуар, Гвинею, Мадагаскар [Cogneau, Mesplé-Somps, 2008], ряду латиноамериканских стран, в числе которых Бразилия, Колумбия, Эквадор, Гватемала, Панама, Перу [Ferreira, Gignoux, 2011], и европейским странам на примере Швеции, Норвегии [Lefranc, Pistolesi, Trannoy, 2008; Aaberge, Mogstad, Peragine, 2011; Almås et al., 2011, Björklund, Jäntti, Roemer, 2012], Италии [Checchi, Peragine, 2010].

США являются современным мировым экономическим и технологическим лидером в течение долгого времени, а также страной, представители которой (Д. Ролс, Р. Дворкин, Р. Арнесон, Г. Коэн) внесли огромный вклад в теорию равных возможностей. Кроме того, идеи теории равных возможностей весьма созвучны с тем, что называют американской мечтой и с чем обычно ассоциируются США у желающих в них эмигрировать — с государством, обеспечивающим свободу личности

и возможность самостоятельно упорным трудом добиться успеха в жизни. Уровень неравенства в США достаточно высок и близок к российскому. Все это формирует значительный интерес к результатам оценки неравенства возможностей в данной стране.

Оценка неравенства возможностей в США представлена в [Pistolesi, 2009]. Автор использует панельные микроданные опроса американских домохозяйств (Panel survey income dynamics — PSID) за 1968–2001 гг. В качестве факторов-обстоятельств применяются возраст, раса, образование обоих родителей, регион рождения и род занятий отца, в качестве факторов-усилий — количество лет обучения и часов работы. Наличие качественных панельных данных за длительный период позволило автору оценить не только вклад неравенства возможностей в неравенство доходов американцев, но и проанализировать его динамику. За указанный период неравенство возможностей варьировало от 18 до 43 %, с тенденцией к уменьшению в течение изучаемого периода [Pistolesi, 2009, p. 411].

Китай, наряду с США, является мировым экономическим лидером и демонстрирует в последние десятилетия впечатляющие темпы экономического роста. Кроме того, Китай, как и РФ, в новейший период истории пережил мощнейшую экономическую трансформацию от плановой экономики с преимущественно общественной собственностью на средства производства к существенно более рыночно ориентированной модели со значительным снижением доли государственной собственности. На современном этапе уровень неравенства в этой стране выше, чем в РФ и США.

Неравенству возможностей в Китае посвящена статья [Zhang, Eriksson, 2010]. Работа основана на данных опроса китайских домохозяйств «Обследование здоровья и питания», в ней используются данные 1989–2006 гг. Авторы учитывают весьма обширный набор факторов-обстоятельств: пол, место рождения (береговая или внутренняя провинция, город или село), образование и сфера занятости родителей, размер семьи и размер дохода домохозяйства, в которой рос респондент. В качестве измерителя достижения принят индивидуальный доход. Согласно полученным результатам, вклад неравенства возможностей в неравенство дохода получился весьма значительным и имеющим тенденцию к росту: от 46 % в 1989 г. до 63 % в 2006 г. [Zhang, Eriksson, 2010, p. 612]. Это гораздо больший разрыв, чем в остальных работах, что, возможно, в какой-то мере связано с более полным учетом факторов-обстоятельств.

Индия является страной, демонстрирующей в последнее 20-летие высокие темпы экономического роста. Современный уровень неравенства в Индии сопоставим с российским и несколько ниже, чем в Китае и США. Кроме того, Индия является государством с сильной исторической традицией сословного деления общества.

Неравенство возможностей в Индии изучается в [Singh, 2010] на микроданных обследования «Человеческое развитие в Индии» за 2004–2005 гг. В качестве факторов-обстоятельств использовались каста, религия, регион проживания, образование отца, профессиональный статус отца. Получилось, что неравенство возможностей обуславливает 18–26 % неравенства заработной платы для городского населения, 16–21 % — для сельского населения [Singh, 2010, p. 79].

Статья [Bourguignon, Ferreira, Menéndez, 2007] посвящена оценке неравенства возможностей в Бразилии. Эта крупная латиноамериканская страна интересна

тем, что в ней наблюдается огромное социально-экономическое неравенство, существенно большее, чем в РФ, США, Китае. Темпы экономического роста нестабильны и имеют тенденцию к снижению в последнее десятилетие. Исследование выполнено на данных Бразильского обследования домохозяйств (National household survey — PNAD) за 1996 г., выборка была ограничена мужчинами-горожанами в возрасте 26–60 лет; анализ проводился как в целом по всей выборке, так и по отдельным возрастным когортам. В качестве показателя достижения использовалась заработная плата. Перечень факторов-обстоятельств включает образование отца и матери, профессиональный статус отца, расу и место рождения индивида. Также применялись три фактора-усилия — образование индивида, его статус на рынке труда и миграционный статус. Согласно расчетам, перечисленные факторы-обстоятельства обуславливают от 10 до 37% неравенства заработной платы в Бразилии в зависимости от возрастной когорты [Bourguignon, Ferreira, Menéndez, 2007, p. 585]. Эта работа интересна еще и тем, что в ней неравенство возможностей раскладывается на две составляющие, а именно неравенство, обусловленное прямым влиянием факторов-обстоятельств на заработную плату, и неравенство, определяемое влиянием обстоятельств на факторы-усилия и через них — на заработную плату. Согласно расчетам, вклад прямого канала влияния в значительной мере доминирует над косвенным.

В целом обзор эмпирических исследований позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, интерес к тематике неравенства возможностей в мире очень широк. Во-вторых, в работах применяются разные наборы факторов-обстоятельств, факторов-усилий, индивидуальных достижений, что делает некорректным прямое сравнение результатов. В-третьих, используются данные готовых соцопросов, проводившихся в прошлом и не ставивших целью сбор данных для оценки неравенства возможностей. Как следствие, в анализ включаются те факторы, которые содержатся в данных в достаточном объеме. Это приводит, с одной стороны, к недооценке неравенства возможностей, а с другой стороны, к проблеме смещенности регрессионных коэффициентов и возникающей некорректности их интерпретации в причинно-следственном ключе.

В данной связи для более глубокого понимания неравенства возможностей целесообразно проводить специализированный тематический социологический опрос, предварительно тщательно проработав на теоретическом уровне состав факторов-обстоятельств, факторов-усилий и индивидуальных достижений. Первая попытка разработки теоретических моделей достижений, обстоятельств, усилий выполнена в [Ибрагимова, Франц, 2019а]. Кроме того, на основании этих моделей разработана авторская программа исследования [Бухарбаева и др., 2019], содержащая анкету социологического опроса, специализированного под задачу оценки неравенства возможностей.

3.3. Эмпирические исследования по оценке неравенства возможностей в Российской Федерации

Тематика социально-экономического неравенства в России является одним из наиболее популярных направлений исследований, однако эмпирических работ российских ученых, базирующихся на идее равных возможностей, очень мало.

С социологических позиций неравенство возможностей обсуждается в статье [Мареева, 2018], посвященной изучению мнения жителей столичных мегаполисов (Москвы и Санкт-Петербурга) и провинциалов относительно возможностей реализовать свои жизненные цели. На основе данных социологических опросов российского населения авторы приходят к выводу о том, что провинция и столичные города, по мнению респондентов, дают равные шансы для достижения трех целей: создания счастливой семьи, воспитания детей и возможности жить так, как хочется. В остальных сферах (получение хорошего образования, трудоустройство по специальности, достижение власти, высокий уровень жизни, мониторинг здоровья, открытие бизнеса) мегаполисы дают больше возможностей. Близкой по духу является публикация [Овчарова, Попова, Рудберг, 2016], в которой на данных РМЭЗ ВШЭ [Российский мониторинг...] оценивается вклад отдельных факторов в объяснение дисперсии душевых расходов домохозяйств в динамике 1994–2014 гг. Однако авторы используют другую классификацию факторов, которая несовместима с принятым в теории равных возможностей их делением на усилия и обстоятельства и наличием прямых и косвенных эффектов влияния факторов-обстоятельств на индивидуальные достижения.

Исследование, выполненное специалистами Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) [Transition report 2016–17], соответствует теории равных возможностей и содержит оценки неравенства возможностей в РФ, а также вклада в него отдельных факторов-обстоятельств. В нем анализировалось неравенство возможностей в 33 странах мира (в основном с переходной экономикой), включая и РФ. Исследование базировалось на микроданных социологического опроса LiTS III (Life in Transition), проводившегося в 2015–2016 гг. В качестве факторов-обстоятельств учитывались: пол, место рождения (город/село), национальность, уровень образования родителей и их членство в Коммунистической партии, в качестве измерителя достижения был принят индивидуальный трудовой доход. Методика основывалась на параметрическом подходе, упреждающей интерпретации, прямым методом измерения неравенства возможностей и применении индекса Джини в качестве меры неравенства. Оценка вклада отдельных факторов-обстоятельств выполнялась с использованием декомпозиции по Шепли. Полученные результаты приводятся в табл. 4.

В [Ибрагимова, Франц, 2019с] выполнена оценка неравенства возможностей в РФ на микроданных РМЭЗ ВШЭ в 2011 г. Выбор данных 2011 г. обусловлен тем, что в них представлен наиболее широкий перечень факторов-обстоятельств, а именно: образование и профессиональный статус родителей, возраст, пол, национальность, место рождения респондента (город/поселок городского типа/село, деревня). В качестве индивидуальных достижений выступают доход и заработная плата. Методика расчетов очень схожа с методикой, использовавшейся в работе ЕБРР, с одним лишь существенным отличием — в качестве меры неравенства применен L-индекс Тейла, а не индекс Джини. Сопоставление результатов приведено в табл. 4.

Сравнивая результаты, приведенные в табл. 4, можно сделать следующие выводы. Оценки вклада неравенства возможностей в неравенство трудового дохода получились весьма разными — 34,5 % в работе ЕБРР и 19,20 % — по авторским оценкам. Это выглядит особенно неожиданно, ведь наш расчет выполняется с учетом большего количества факторов-обстоятельств, чем работа ЕБРР. Причин для

Таблица 4. Сопоставление результатов оценки неравенства возможностей в РФ

Результат оценки	Автор	
	[Transition report 2016–17]	[Ибрагимова, Франц, 2019с]
Вклад неравенства возможностей в неравенство трудового дохода, %	34,5	19,20
Вклад отдельных факторов-обстоятельств, %:		
— семейный бэкграунд, в том числе:	36,19	36,81
образование отца,	36,19	10,84
образование матери,	—	12,00
профессиональный статус отца,	—	5,88
профессиональный статус матери	—	8,09
— пол	25,08	35,78
— возраст	—	8,55
— национальность	10,49	2,32
— место рождения	25,00	16,54
— членство родителей в Коммунистической партии	3,24	—

Примечание: «—» — фактор не учитывался.

такого различия в результатах может быть несколько — расчеты выполнялись с использованием данных, собранных в разное время, применялся различный набор факторов-обстоятельств; кроме того, имеется и методическое отличие — в качестве меры неравенства нами задействован L-индекс Тейла, в то время как в работе ЕБРР — индекс Джини. Допустимо предположение, что последнее обстоятельство может в значительной мере нести ответственность за расхождение в оценках. Оно основано на том, что в цитируемой ранее работе по США [Pistoiesi, 2009], в которой в качестве основного индекса неравенства используется T-индекс Тейла, приводятся дополнительные расчеты с применением других индексов неравенства, включая и L-индекс Тейла, и индекс Джини. Как показывают результаты, оценки на основе индекса Джини приблизительно на 8–10 % выше, чем при использовании L-индекса Тейла.

Что касается вклада отдельных факторов в неравенство возможностей, то здесь стоит отметить, что по обоим оценкам наибольший вклад вносят факторы семейного бэкграунда (приблизительно 36 % в обеих работах), на втором месте — пол, на третьем — место рождения, хотя оценки вклада последних двух факторов заметно отличаются.

Хорошая новость состоит в том, что данные опроса LiTS III, на которых базируется исследование работе ЕБРР, лежат в свободном доступе, что дает возможность выполнить собственные расчеты с использованием различных мер неравенства на обоих источниках данных и таким образом более аргументированно обосновать, чем вызвана столь большая разница в оценках. Это целесообразно сделать в будущих исследованиях.

Еще одна работа [Ибрагимова, Франц, 2020] базируется на той же информационной базе, что и [Ибрагимова, Франц, 2019с], но использует непараметрический подход. Пол, образование родителей и тип населенного пункта, где родился

индивид, были применены в качестве факторов-обстоятельств. Учет меньшего количества факторов-обстоятельств связан с особенностями непараметрического подхода и ограничениями в данных. Доход и заработная плата, как и ранее, задействованы как измерители индивидуальных достижений.

В этой работе оценка неравенства возможностей выполняется на основе как упреждающей, так и постфактумной интерпретаций, кроме того, применяется широкий спектр мер неравенства включая L-индекс Тейла, T индекс Тейла, индексы Аткинсона A(1) и A(2); измерение неравенства возможностей проводится с использованием и прямого, и косвенного методов. Дополнительно выполнялся расчет с параметрическим подходом на том же наборе факторов-обстоятельств.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы: во-первых, оценки на основе ex-post-интерпретации получаются выше, чем на основе ex-ante-интерпретации, разница может достигать до 10%; во-вторых, использование разных мер неравенства также приводит к ощутимой разнице в оценках (до 10% в случае заработной платы, до 16% — индивидуального дохода); в-третьих, оценки с учетом непараметрического и параметрического подходов весьма близки друг к другу. При применении L-индекса Тейла в качестве меры неравенства вклад рассматриваемых факторов-обстоятельств в неравенство заработной платы составляет 18–24%, а в неравенство индивидуального дохода — 12–21% в зависимости от особенностей процедуры оценивания.

Кроме того, в двух работах [Ибрагимова, Франц, 2019b; Pauhofova et al., 2020] задействована методика, позволяющая не только оценить неравенство возможностей, но и выполнить его разложение на два компонента — прямой и косвенный. Декомпозиция неравенства интересна в связи описанными ранее различием между меритократизмом и теорией равных возможностей: сторонники меритократического подхода считают несправедливым только неравенство, обусловленное прямым влиянием обстоятельств на достижение, в то время как приверженцы теории равных возможностей рассматривают как несправедливое неравенство, порождаемое как прямым, так и косвенным влиянием обстоятельств на достижение. Таким образом, это позволяет оценить степень несправедливости с позиций как меритократизма, так и теории равных возможностей.

Декомпозиция неравенства возможностей на прямой и косвенный компоненты требует наличия данных не только о факторах-обстоятельствах, но и о факторах-усилиях. В работе [Ибрагимова, Франц, 2019b] в качестве факторов усилий использовались образование индивида и его миграционный статус, а в [Pauhofova et al., 2020] — только образование индивида. Согласно полученным результатам, прямое влияние значительно превалирует над косвенным. Следовательно, значительная часть неравенства возможностей несправедлива с обеих рассмотренных позиций.

3.4. Эмпирические исследования взаимосвязи неравенства возможностей и экономического роста

Эмпирические работы посвящены в основном оценке прямого влияния неравенства возможностей на экономический рост.

В статье [Marrero, Rodríguez, 2010] исследуется влияние неравенства возможностей на экономический рост на данных по США. Информационной базой исследования являются, во-первых, микроданные социологического опроса населения PSID, используемые для измерения неравенства возможностей и неравенства усилий в отдельных штатах, а во-вторых, макроданные по этим же штатам для исследования влияния неравенства возможностей на экономический рост.

Измерение неравенства возможностей выполнялось в два момента времени — в 1980 и 1990 гг. с применением непараметрического подхода. Учитывались два фактора-обстоятельства — раса и образование отца, в качестве показателя дохода применялась сумма личного трудового дохода и удельного дохода домохозяйства. Авторы проанализировали динамику общего неравенства и неравенства возможностей и пришли к выводу о наличии прямой корреляционной связи между этими показателями.

Для исследования влияния неравенства возможностей на экономический рост была задействована регрессионная модель с резульативной переменной — средним темпом роста реальных удельных личных доходов в следующие 10 лет от момента измерения факторных показателей. В качестве независимых переменных использовались общее неравенство, неравенство возможностей, неравенство усилий, а также ряд контрольных переменных, включая лагированные реальные доходы населения, дамми для десятилетия (1980–1990 гг. или 1991–2000 гг.), региональные дамми (дамми-переменная, принимающая значения 0 и 1, включаемая в эконометрическую модель для учета влияния временных и индивидуальных эффектов), уровень квалификации рабочей силы, доли занятых в неаграрных отраслях. Для проверки устойчивости авторы применили несколько вариантов спецификации модели. В целом регрессионные коэффициенты при показателе неравенства возможностей практически всегда получались отрицательными и значимыми, при показателе общего неравенства и при показателе неравенства усилий — положительными и значимыми. Таким образом, по крайней мере на данных по штатам США удалось найти эмпирическое подтверждение гипотезы о том, что положительное или отрицательное влияние неравенства на экономический рост связано с источником неравенства, а именно: неравенство возможностей имеет отрицательное влияние на рост, в то время как неравенство усилий — положительное.

Чуть позже этими же авторами [Marrero, Rodríguez, 2012] выполнено исследование, направленное на изучение обратного влияния, т.е. влияния макроэкономических факторов, включая реальный ВВП, дефлятор ВВП, реальные расходы на здравоохранение и реальный выданный потребительский кредит на общее неравенство, неравенство возможностей и неравенство усилий. Общее неравенство, неравенство возможностей и неравенство усилий оценивалось для США в целом в 1970–2007 гг. с использованием той же информационной базы PSID и по той же методике, что и в предыдущей работе.

Для оценки влияния перечисленных макроэкономических факторов на показатели неравенства применялись регрессионные модели с различными спецификациями. Получилось, что реальный ВВП и реальный выданный потребительский кредит отрицательно и значимо влияют на общее неравенство, неравенство возможностей и неравенство усилий, в то время как коэффициенты при факторах инфляции и расходов на здравоохранение практически всегда незначимы. Авторы указывают,

что полученные эмпирические результаты подтверждают гипотезу о том, что несовершенство кредитного рынка продуцирует неравенство возможностей.

Важно отметить еще одну работу, не написанную в терминах неравенства возможностей, но весьма близкую к данной тематике. В публикации [Hsieh et al., 2013] измеряются макроэкономические последствия профессиональных диспропорций в США в 1960–2008 гг. Авторы предположили, что врожденные таланты к различным видам профессиональной деятельности вряд ли столь же чрезвычайно неравномерно распределены, как это имеет место в фактическом распределении по профессиям. Они отмечают, например, что в 1960 г. 94 % врачей и юристов в США были белыми мужчинами. Поэтому остальные группы не имели возможности реализовать свои природные таланты в названных профессиях в связи с социальными барьерами доступа, сформировавшимися в результате разного уровня доступности качественного базового образования, различного уровня инвестиций в образование и здоровье на ранних стадиях жизни, дискриминации социальных групп при приеме на работу и т. п. Авторы измерили негативный эффект профессиональных барьеров на производительность труда: барьеры привели к снижению средней производительности труда на 15–20 % за 1960–2008 гг. Они также оценили, что $\frac{2}{3}$ прироста объясняется расширением представительства белых женщин в высококвалифицированных профессиях [Hsieh et al., 2013, p. 1463]. Подчеркивается, что хотя работа была посвящена оценке выигрыша от снижения профессиональных барьеров, социальные препятствия, с которыми сталкиваются дети из малообеспеченных семей, скорее всего, гораздо более труднопреодолимы и поэтому ведут к еще более значительной потере человеческого потенциала.

Таким образом, эмпирические исследования взаимосвязи неравенства возможностей и экономического роста существуют, но находятся в начальной стадии разработки — их мало и сделаны они преимущественно на данных по США.

Выводы

Анализ возникновения, развития и современного состояния теории равных возможностей позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, теория равных возможностей базируется на идее о том, что индивид должен нести ответственность за свои достижения в той мере, в которой они зависят от него самого — его усилий, решений, взглядов на жизнь. Неравенство, обусловленное неконтролируемыми факторами-обстоятельствами, несправедливо и должно быть элиминировано или скомпенсировано в справедливом обществе (принцип компенсации), при этом неравенство, выступающее следствием факторов персональной ответственности, является приемлемым (принцип естественной награды).

Во-вторых, в контексте классификации детерминантов индивидуальных достижений на четыре группы — внешние обстоятельства, индивидуальные особенности, индивидуальные усилия и выбор, случайные факторы — существует актуальная проблема определения границы ответственности, касающейся того, в какую зону следует относить внутренние характеристики человека, являющиеся частью его индивидуальности, — ответственности или компенсации.

В-третьих, актуальной проблемой теории равных возможностей выступает несовместимость принципов компенсации и естественной награды, проявляющаяся,

как только эти принципы приобретают строгую математическую формулировку. На сегодняшний день предложены две интерпретации принципа компенсации и три варианта принципа естественной награды, а также доказано, что эти принципы часто несовместимы друг с другом.

Во-четвертых, экспериментальными методами доказано, что люди в рамках интуитивного понимания справедливости разделяют идею теории равных возможностей о том, что индивиды в какой-то мере должны нести ответственность за свои достижения.

Обзор дискуссии о взаимосвязи неравенства, неравенства возможностей и экономического роста позволяет сделать ряд заключений.

Во-первых, дискуссия о влиянии неравенства на экономический рост продолжается на протяжении уже долгого времени и далека от завершения. Существуют серьезные аргументы в поддержку гипотезы как о прямой, так и об обратной связи между неравенством и экономическим ростом. Эмпирические работы не позволяют сделать вывод в защиту той или иной точки зрения.

Во-вторых, на теоретическом уровне приводятся аргументы в пользу негативного влияния неравенства возможностей и позитивного влияния неравенства усилий на экономический рост. В целом это объясняется тем, что неравенство возможностей приводит к неполной реализации человеческого потенциала и, соответственно, способствует замедлению экономического роста, а неравенство усилий, наоборот, стимулирует индивидов к максимальному развитию своих талантов и способностей, тем самым стимулируя экономический рост.

Анализ эмпирических исследований влияния неравенства возможностей на экономическое неравенство и экономический рост позволяет прийти к следующим заключениям.

Во-первых, методы измерения неравенства возможностей хорошо разработаны и апробированы на микроданных различных стран, в том числе и по России. Однако существует проблема качественной информационной базы: исследователи пользуются данными готовых соцопросов, проводившихся в прошлом и не ставивших своей целью сбор сведений для оценки неравенства возможностей. Как следствие, в анализ включаются те факторы, которые содержатся в данных в достаточном объеме. В связи с этим для более глубокого понимания проблемы полезно провести специализированный социологический опрос.

Во-вторых, исследования взаимовлияния неравенства возможностей и экономического роста находятся в начальной стадии — их мало и выполнены они в основном на данных по США.

В практическом плане исследования по неравенству возможностей интересны тем, что они смещают цели и приоритеты государственной политики с выравнивания доходов к выравниванию возможностей, позволяя двигаться одновременно к более справедливому и экономически эффективному общественному устройству.

Литература

- Аткинсон Э. (2018) *Неравенство: как с ним быть?* М.: Дело. 536 с.
Бухарбаева Л. Я. и др. (2019) *Оценка неравенства возможностей в республике Башкортостан: программа исследования*. Уфа: Аэтерна. 36 с.

- Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. (2019а) Информационное обеспечение исследований по неравенству возможностей: критический обзор и теоретическое обоснование. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. № 11-1. С. 70–76.
- Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. (2019б) Неравенство возможностей в Российской Федерации: измерение и оценка на микроданных. *Прикладная эконометрика*. Т. 54. С. 5–25.
- Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. (2019с) Неравенство возможностей в Российской Федерации: факторный анализ. *Экономика и управление*. № 5. С. 10–15.
- Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. (2020) Неравенство возможностей: теория и практика измерения на микроданных RLMS-HSE. *Экономическая политика*. Т. 15, № 1. С. 64–89.
- Мареева С. В. (2018) *Неравенство возможностей. Почему провинциалы чувствуют себя успешнее, чем жители столицы*. М.: НИУ «Высшая школа экономики». URL: <https://iq.hse.ru/news/215721991.html>. (дата обращения: 16.12.2019).
- Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудбер А. М. (2016) Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России. *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3. С. 170–185.
- Стиглиц Д. (2015) *Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему*. М.: Эксмо. 508 с.
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ–ВШЭ (RLMS-HSE)*. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms>. (дата обращения: 26.09.2019).
- Aaberge R., Mogstad M., Peragine V. (2011) Measuring long-term inequality of opportunity. *Journal of Public Economic*, vol. 95, iss. 3–4, pp. 193–204.
- Alesina A., Rodrik D. (1994) Distributive Politics and Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 109, pp. 465–490.
- Almås I. and others (2011) Measuring unfair (in)equality. *Journal of Public Economics*, vol. 95, iss. 7–8, pp. 488–499.
- Arneson R. (1989) Equality and equal opportunity for welfare. *Philosophical Studies*, vol. 56, iss. 1, pp. 77–93.
- Arneson R. (1990) Liberalism, distributive subjectivism, and equal opportunity for welfare. *Philosophy and Public Affairs*, vol. 19, iss. 2, pp. 158–194.
- Babu M., Bhaskaran V., Venkatesh M. (2016) Does inequality hamper long run growth? Evidence from emerging economies. *Economic Analysis and Policy*, vol. 52, iss. 4, pp. 99–113.
- Björklund A., Jäntti M., Roemer J. (2012) Equality of opportunity and the distribution of long-run income in Sweden. *Social Choice and Welfare*, vol. 39, pp. 675–696.
- Bourguignon F., Ferreira F., Menéndez M. (2007) Inequality of opportunity in Brazil. *Review of Income and Wealth*, vol. 53, pp. 585–618.
- Boushey H., Bradford D., Steinbaum M. (2017) *After Piketty: The Agenda for Economics and Inequality*. Cambridge: Harvard University Press, 688 p.
- Bossert W. (1995) Redistribution mechanisms based on individual characteristics. *Mathematical Social Sciences*, vol. 29, pp. 1–17.
- Bossert W., Fleurbaey M. (1996) Redistribution and compensation. *Social Choice and Welfare*, vol. 13, pp. 343–355.
- Bradbury K., Triest R. (2016) Inequality of Opportunity and Aggregate Economic Performance. *The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, vol. 2, iss. 2, pp. 178–201.
- Brook Y., Watkins D. (2017) *In Pursuit of Wealth: The Moral Case for Finance*. Ayn Rand Institute. 278 p.
- Cappelen A., Sorenson E., Tungodden B. (2010) Responsibility for what? Fairness and individual responsibility. *European Economic Review*, vol. 54, pp. 429–441.
- Chan K., Zhou X., Pan Z. (2014) The growth and inequality nexus: The case of China. *International Review of Economics and Finance*, vol. 34, iss. 4, pp. 230–236.
- Checchi D., Peragine V. (2010) Inequality of opportunity in Italy. *Journal of Economic Inequality*, vol. 8, iss. 4, pp. 429–450.
- Cingano F. (2014) Trends in Income Inequality and its Impact on Economic Growth. *International Organizations Research Journal*, vol. 10, pp. 97–133.
- Cogneau D., Mesplé-Soms S. (2008) Inequality of opportunity for income in five countries of Africa. *Res. Econ. Inequal*, vol. 16, pp. 99–128.
- Cohen G. (1989) On the currency of egalitarian justice. *Ethics*, vol. 99, no. 4, pp. 906–944.
- Collins C. (2016) *Born on Third Base*. West River Junction: Chelsea Green Publishing. 288 p.
- Conard E. (2016) *The Upside of Inequality: How Good Intentions Undermine the Middle Class*. New York: Penguin Random House. 235 p.

- Dworkin R. (1981a) What is equality? Part 1: Equality of welfare. *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, iss. 3, pp. 185–246.
- Dworkin R. (1981b) What is equality? Part 2: Equality of resources. *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, iss. 4, pp. 283–345.
- El Enbavy H., Galal R. (2015) Inequality of Opportunity in Individuals' Wages and Households' Assets in Egypt. Economic Research Forum, *Working Paper*, no. 942, Cairo. 28 p.
- Fang W., Miller S., Yeh C. (2015) The effect of growth volatility on income inequality. *Economic Modelling*, vol. 45, iss. 1, pp. 212–222.
- Ferreira F., Gignoux J., Aran M. (2011) Measuring inequality of opportunity with imperfect data: the case of Turkey. *The Journal of Economic Inequality*, vol. 9, iss. 4, pp. 651–680.
- Ferreira F., Gignoux J. (2011) The measurement of inequality of opportunity: theory and an application to Latin America. *Review of Income and Wealth*, vol. 57, iss. 4, pp. 622–657.
- Fleurbay M., Peragine V. (2012). Ex Ante Versus Ex Post Equality of Opportunity. *Economica*, vol. 80, iss. 317, pp. 118–130.
- Forbes K. (2000) A reassessment of the relationship between inequality and growth. *American Economic Review*, vol. 90, iss. 4, pp. 869–887.
- Frank M. (2009) Inequality and growth in the United States: Evidence from a new state-level panel of income inequality measures. *Economic Inquiry*, vol. 47, iss. 1, pp. 55–68.
- Hassine N. (2012) Inequality of Opportunity in Egypt. *The World Bank Economic Review*, vol. 26, iss. 2, pp. 265–295.
- Henderson D., Qian J., Wang L. (2015) The inequality–growth plateau. *Economics Letters*, vol. 28, iss. 1, pp. 17–20.
- Hsieh C. and others (2013) *The allocation of talent and us economic growth*. National Bureau of Economic Research. 47 p.
- International Trade Union Confederation 2017 Global Poll*. (2017) Kantar Public. ITUC. 87 p.
- Lefranc A., Pistoletti N., Trannoy A. (2008) Inequality of Opportunities vs. Inequality of Outcomes: Are Western Societies All Alike? *Review of Income and Wealth*, vol. 54, pp. 513–546.
- Li H., Zou H. (1998) Income inequality is not harmful for growth: Theory and evidence. *Review of Development Economics*, vol. 2, iss. 3, pp. 318–334.
- Lucas R. (2003) The industrial revolution: past and future. *Federal Reserve Bank of Minneapolis Annual Report*. pp. 5–20.
- Majumdar S., Partridge M. (2009) Impact of economic growth on income inequality: A regional perspective. July 26–28, Wisconsin (No 49270). *Agricultural and Applied Economics Association*. 12 p.
- Mankiw N. (2013) Defending the One Percent. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 27, pp. 21–34.
- Marrero G., Rodríguez J. (2010) Inequality of Opportunity and Growth. *ECINEQ Working Paper*. 30 p.
- Marrero G., Rodríguez J. (2012) Macroeconomic determinants of inequality of opportunity and effort in the US: 1970–2009. *ECINEQ Working Paper*, No. 249. 30 p.
- Milanovic B. (2016) *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge: Harvard University Press. 320 p.
- Muinel-Gallo L., Roca-Sagalés O. (2013) Joint determinants of fiscal policy, income inequality and economic growth. *Economic Modelling*, vol. 30, pp. 814–824.
- Nahum R. (2005) *Income inequality and growth: a panel study of Swedish counties 1960–2000*. Department of Economics, Uppsala University. 39 p.
- Ogus Binatli A. (2012) Growth and income inequality: A comparative analysis. *Economics Research International*, vol. 12, iss. 2, pp. 1–7.
- Oxfam (2014) Working for the few. Political capture and economic inequality. *Oxfam Briefing Paper*, No. 178. 32 p.
- Partridge M. (1997) Is inequality harmful for growth? Comment. *The American Economic Review*, vol. 87, iss. 5, pp. 1019–1032.
- Pauhofova I. and others (2020) Measuring of inequality of opportunity: parametric approach. *Ekonomický časopis*, vol. 68, iss. 5, pp. 455–476.
- Persson T., Tabellini G. (1994) Is Inequality Harmful for Growth? Theory and Evidence. *American Economic Review*, vol. 84, pp. 600–621.
- Piketty T. (2014) *Capital in the 21st Century*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press. 685 p.
- Pistoletti N. (2009) Inequality of opportunity in the land of opportunities, 1968–2001. *The Journal of Economic Inequality*, vol. 7, iss. 4, pp. 411–433.

- Ramos X., Van de Gaer D. (2016) Approaches to Inequality of Opportunity: Principles, Measures and Evidence. *Journal of Economic Surveys*, vol. 30, iss. 5, pp. 855–883.
- Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 607 p.
- Roemer J. (1998) *Equality of opportunity*. Harvard University Press. 342 p.
- Rubin A., Segal D. (2015) The effects of economic growth on income inequality in the United States. *Journal of Macroeconomics*, vol. 45, pp. 258–273.
- Scanlon T. (1988) *The significance of choice. The Tanner lectures on human values VIII*. Eds A. Sen, Sterling M. McMurrin. Salt Lake City: University of Utah Press, pp. 149–216.
- Schokkaert E., Devooght K. (2003) Responsibility-sensitive fair compensation in different cultures. *Social Choice and Welfare*, vol. 21, pp. 207–242.
- Sen A. (1980) Equality of What? *The Tanner Lecture on Human*, vol. 1, pp. 197–220.
- Shaheen S., Sarwar Awan M., Ahmed Raza C. (2016) Measuring inequality of opportunity in Pakistan: parametric and non-parametric analysis. *Pakistan Economic and Social Review*, vol. 54, iss. 2, pp. 165–190.
- Singh A. (2010) The effect of family background on individual wages and an examination of inequality of opportunity in India. *Journal of Labor Research*, vol. 31, iss. 3, pp. 230–246.
- Sitaraman G. (2017) *The Crisis of the Middle-Class Constitution: Why Economic Inequality Threatens Our Republic*. New York: Alfred A. Knopf. 423 p.
- Sukiassyan G. (2007) Inequality and growth: What does the transition economy data say? *Journal of Comparative Economics*, vol. 35, iss. 1, pp. 5–56.
- Transition report 2016–17. *European Bank for Reconstruction and Development*. URL: <https://tr.ebrd.com/inequality-of-opportunity/> (дата обращения: 19.12. 2019).
- Tuominen E. (2016a) Changes or levels? Reassessment of the relationship between top-end inequality and growth. *Working Papers 1609*. University of Tampere, School of Management, Economics. 36 p.
- Tuominen E. (2016b) Top-end inequality and growth: Empirical evidence. *Working Papers 1608*. University of Tampere, School of Management, Economics. 34 p.
- Wahiba N., El Weriemmi M. (2014) The relationship between economic growth and income inequality. *International Journal of Economics and Financial Issues*, vol. 4, iss. 18, pp. 135–143.
- World Development Report 2006: Equity and Development*. (2005) World Bank. Washington, DC: World Bank. 320 p.
- Zhang Y., Eriksson T. (2010) Inequality of opportunity and income inequality in nine Chinese provinces, 1989–2006. *China Economic Review*, vol. 21, iss. 4, pp. 607–616.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2019

Статья рекомендована в печать: 17.09.2020

Контактная информация:

Ибрагимова Зульфья Фануровна — канд. экон. наук, доц.; badertdinova@mail.ru

Франц Марина Валерьевна — канд. техн. наук, доц.; tan-Marina@mail.ru

Inequality of opportunities: Interpretation, methods and problems of estimation*

Z. F. Ibragimova¹, M. V. Frants²

¹ Bashkir State University,
32, ul. Zaki Validi, Ufa, 450076, Russian Federation

² Ufa State Aviation Technical University,
12, ul. Karla Marksa, Ufa, 450000, Russian Federation

For citation: Ibragimova Z. F., Frants M. V. (2020) Inequality of opportunities: Interpretation, methods and problems of estimation. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 36, iss. 4, pp. 624–652. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.404> (In Russian)

* The study was performed under financial support of RFBR, Russian Foundation for Basic Research (project no.19-410-020017 p_a).

The topic of this research is the theory of equal opportunities and its application to the relationship between inequality and economic development. The relevance of the work is due, first, to the fact that inequality grows throughout the world, creating conditions for the growth of social tension; second, to the lack of general consensus on the direction of the relationship between inequality and economic growth; and third, to contradictory results of empirical studies on this issue. The main hypothesis of the study is that these theoretical and empirical contradictions can be resolved by dividing inequality into two components — inequality of opportunity and inequality of effort — and studying their impact on economic growth separately. The idea of distinguishing between inequality of opportunity and inequality of effort is a core part of the theory of equal opportunities. The paper briefly reviews the roots, development, and current state of the theory. Methods for measuring inequality of opportunities have been developed and tested on microdata from many countries, including Russia. Also, at the theoretical level, mechanisms of the negative impact of inequality of opportunities and the positive impact of inequality of efforts on economic growth have been identified. At the same time, there are very few empirical studies dealing with the relationship between inequality of opportunity, inequality of effort, and economic growth. In practical terms, studies of the inequality of opportunity are important because they shift the goals and priorities of public policy from equalizing outcomes to equalizing opportunities. This makes it possible to move towards a more just and rapidly developing society.

Keywords: inequality, inequality of opportunities; inequality of achievements; factors-efforts; factors-circumstances, economic growth, the theory of equal opportunities.

References

- Aaberge R., Mogstad M., Peragine V. (2011) Measuring long-term inequality of opportunity. *Journal of Public Economic*, vol. 95, iss. 3–4, pp. 193–204.
- Alesina A., Rodrik D. (1994) Distributive Politics and Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 109, pp. 465–490.
- Almås I. and others (2011) Measuring unfair (in)equality. *Journal of Public Economics*, vol. 95, iss. 7–8, pp. 488–499.
- Arneson R. (1989) Equality and equal opportunity for welfare. *Philosophical Studies*, vol. 56, iss. 1, pp. 77–93.
- Arneson R. (1990) Liberalism, distributive subjectivism, and equal opportunity for welfare. *Philosophy and Public Affairs*, vol. 19, iss. 2, pp. 158–194.
- Atkinson E. (2018) *Inequality: what about it?* Moscow, Delo. 536 p. (In Russian)
- Babu M., Bhaskaran V., Venkatesh M. (2016) Does inequality hamper long run growth? Evidence from emerging economies. *Economic Analysis and Policy*, vol. 52, iss. 4, pp. 99–113.
- Björklund A., Jäntti M., Roemer J. (2012) Equality of opportunity and the distribution of long-run income in Sweden. *Social Choice and Welfare*, vol. 39, pp. 675–696.
- Bourguignon F., Ferreira F., Menéndez M. (2007) Inequality of opportunity in Brazil. *Review of Income and Wealth*, vol. 53, pp. 585–618.
- Boushey H., Bradford D., Steinbaum M. (2017) *After Piketty: The Agenda for Economics and Inequality*. Cambridge: Harvard University Press, 688 p.
- Bossert W. (1995) Redistribution mechanisms based on individual characteristics. *Mathematical Social Sciences*, vol. 29, pp. 1–17.
- Bossert W., Fleurbaey M. (1996) Redistribution and compensation. *Social Choice and Welfare*, vol. 13, pp. 343–355.
- Bradbury K., Triest R. (2016) Inequality of Opportunity and Aggregate Economic Performance. *The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, vol. 2, iss. 2, pp. 178–201.
- Brook Y., Watkins D. (2017) *In Pursuit of Wealth: The Moral Case for Finance*. Ayn Rand Institute. 278 p.
- Buharbaeva L. and others. (2019) *Assessment of inequality of opportunities in the Republic of Bashkortostan: research program*. Ufa, Aeterna, 36 p. (In Russian)
- Cappelen A., Sorenson E., Tungodden B. (2010) Responsibility for what? Fairness and individual responsibility. *European Economic Review*, vol. 54, pp. 429–441.

- Chan K., Zhou X., Pan Z. (2014) The growth and inequality nexus: The case of China. *International Review of Economics and Finance*, vol. 34, iss. 4, pp.230–236.
- Checchi D., Peragine V. (2010) Inequality of opportunity in Italy. *Journal of Economic Inequality*, vol. 8, iss. 4, pp. 429–450.
- Cingano F. (2014) Trends in Income Inequality and its Impact on Economic Growth. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, pp. 97–133.
- Cogneau D., Mesplé-Somps S. (2008) Inequality of opportunity for income in five countries of Africa. *Res. Econ. Inequal*, vol. 16, pp. 99–128.
- Cohen G. (1989) On the currency of egalitarian justice. *Ethics*, vol. 99, no. 4, pp.906–944.
- Collins C. (2016) *Born on Third Base*. West River Junction: Chelsea Green Publishing. 288 p.
- Conard E. (2016) *The Upside of Inequality: How Good Intentions Undermine the Middle Class*. New York, Penguin Random House. 235 p.
- Dworkin R. (1981a) What is equality? Part 1: Equality of welfare. *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, iss. 3, pp. 185–246.
- Dworkin R. (1981b) What is equality? Part 2: Equality of resources. *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, iss. 4, pp.283–345.
- El Enbaby H., Galal R. (2015) Inequality of Opportunity in Individuals' Wages and Households' Assets in Egypt. Economic Research Forum, *Working Paper*, no.942, Cairo. 28 p.
- Fang W., Miller S., Yeh C. (2015) The effect of growth volatility on income inequality. *Economic Modelling*, vol. 45, iss. 1, pp. 212–222.
- Ferreira F., Gignoux J., Aran M. (2011) Measuring inequality of opportunity with imperfect data: the case of Turkey. *The Journal of Economic Inequality*, vol. 9, iss. 4, pp.651–680.
- Ferreira F., Gignoux J. (2011) The measurement of inequality of opportunity: theory and an application to Latin America. *Review of Income and Wealth*, vol. 57, iss. 4, pp.622–657.
- Fleurbaey M., Peragine V. (2012). Ex Ante Versus Ex Post Equality of Opportunity. *Economica*, vol. 80, iss. 317, pp. 118–130.
- Forbes K. (2000) A reassessment of the relationship between inequality and growth. *American Economic Review*, vol. 90, iss. 4, pp.869–887.
- Frank M. (2009) Inequality and growth in the United States: Evidence from a new state-level panel of income inequality measures. *Economic Inquiry*, vol. 47, iss. 1, pp.55–68.
- Hassine N. (2012) Inequality of Opportunity in Egypt. *The World Bank Economic Review*, vol.26, iss. 2, pp. 265–295.
- Henderson D., Qian J., Wang L. (2015) The inequality–growth plateau. *Economics Letters*, vol.28, iss. 1, pp. 17–20.
- Hsieh C. and others (2013) *The allocation of talent and us economic growth*. National Bureau of Economic Research. 47 p.
- Ibragimova Z. F., Frants M. V. (2019a) Information support for research on inequality of opportunity: a critical review and theoretical justification. *Journal of Altai Academy of Economics and Law*, no. 11-1, pp. 70–76. (In Russian)
- Ibragimova Z. F., Frants M. V. (2019b) Inequality of opportunity in the Russian Federation: Measurement and evaluation using micro-data. *Applied Econometrics*, no.54, pp.5–25. (In Russian)
- Ibragimova Z. F., Frants M. V. (2019c) Inequality of opportunities in the Russian Federation: factor analysis. *Economy and management*, no. 5, pp. 10–15. (In Russian)
- Ibragimova Z. F., Frants M. V. (2020) Inequality of opportunity: theory and practice of measurement using micro-data of RLMS-HSE. *Economic Policy*, vol. 15, iss. 1, pp. 64–89. (In Russian)
- International Trade Union Confederation 2017 Global Poll*. (2017) Kantar Public. ITUC. 87 p.
- Lefranc A., Pistolesi N., Trannoy A. (2008) Inequality of Opportunities vs. Inequality of Outcomes: Are Western Societies All Alike? *Review of Income and Wealth*, vol. 54, pp. 513–546.
- Li H., Zou H. (1998) Income inequality is not harmful for growth: Theory and evidence. *Review of Development Economics*, vol. 2, iss. 3, pp.318–334.
- Lucas R. (2003) The industrial revolution: past and future. *Federal Reserve Bank of Minneapolis Annual Report*, pp. 5–20.
- Majumdar S., Partridge M. (2009) Impact of economic growth on income inequality: A regional perspective. July 26–28, Wisconsin (No. 49270). *Agricultural and Applied Economics Association*. 12 p.
- Mankiw N. (2013) Defending the One Percent. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 27, pp. 21–34.
- Marrero G., Rodríguez J. (2010) Inequality of Opportunity and Growth. *ECINEQ Working Paper*. 30 p.

- Marrero G., Rodríguez J. (2012) Macroeconomic determinants of inequality of opportunity and effort in the US: 1970-2009. *ECINEQ Working Paper*, No. 249. 30 p.
- Mareeva S.V. (2018) *Inequality of opportunity. Why do provincials feel more successful than residents of capitals*. Higher School of Economics — National Research University. URL: <https://iq.hse.ru/news/215721991.html> (accessed: 16.09.2019).
- Milanovic B. (2016) *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge, Harvard University Press. 320 p.
- Muinelo-Gallo L., Roca-Sagalés O. (2013) Joint determinants of fiscal policy, income inequality and economic growth. *Economic Modelling*, vol. 30, pp.814–824.
- Nahum R. (2005) *Income inequality and growth: a panel study of Swedish counties 1960–2000*. Department of Economics, Uppsala University. 39 p.
- Ogus Binatli A. (2012) Growth and income inequality: A comparative analysis. *Economics Research International*, vol. 12, iss. 2, pp. 1–7.
- Ovcharova L. and others (2016) Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia. *Journal of the new economic association*, no. 3, pp.170–185. (In Russian)
- Oxfam (2014) Working for the few. Political capture and economic inequality. *Oxfam Briefing Paper*, No. 178. 32 p.
- Partridge M. (1997) Is inequality harmful for growth? Comment. *The American Economic Review*, vol. 87, iss. 5, pp. 1019–1032.
- Pauhofova I. and others (2020) Measuring of inequality of opportunity: parametric approach. *Ekonomický časopis*, vol. 68, iss. 5, pp. 455–476.
- Persson T., Tabellini G. (1994) Is Inequality Harmful for Growth? Theory and Evidence. *American Economic Review*, vol. 84, pp. 600–621.
- Piketty T. (2014) *Capital in the 21st Century*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press. 685 p.
- Pistolesi N. (2009) Inequality of opportunity in the land of opportunities, 1968–2001. *The Journal of Economic Inequality*, vol. 7, iss. 4, pp. 411–433.
- Ramos X., Van de Gaer D. (2016) Approaches to Inequality of Opportunity: Principles, Measures and Evidence. *Journal of Economic Surveys*, vol. 30, iss. 5, pp.855–883.
- Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 607 p.
- Roemer J. (1998) *Equality of opportunity*. Harvard University Press. 342 p.
- Rubin A., Segal D. (2015) The effects of economic growth on income inequality in the United States. *Journal of Macroeconomics*, vol. 45, pp. 258–273.
- Russia Longitudinal Monitoring survey*. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms-hse>, <http://www.hse.ru/org/hse/rlms> (accessed: 26.09.2019).
- Scanlon T. (1988) *The significance of choice. The Tanner lectures on human values VIII*. Eds A. Sen, Sterling M. McMurrin. Salt Lake City, University of Utah Press, pp. 149–216.
- Schokkaert E., Devooght K. (2003) Responsibility-sensitive fair compensation in different cultures. *Social Choice and Welfare*, vol. 21, pp. 207–242.
- Sen A. (1980) Equality of What? *The Tanner Lecture on Human*, vol. 1, pp. 197–220.
- Shaheen S., Sarwar Awan M., Ahmed Raza C. (2016) Measuring inequality of opportunity in Pakistan: parametric and non-parametric analysis. *Pakistan Economic and Social Review*, vol. 54, iss. 2, pp. 165–190.
- Singh A. (2010) The effect of family background on individual wages and an examination of inequality of opportunity in India. *Journal of Labor Research*, vol. 31, iss. 3, pp. 230–246.
- Sitaraman G. (2017) *The Crisis of the Middle-Class Constitution: Why Economic Inequality Threatens Our Republic*. New York, Alfred A. Knopf. 423 p.
- Stiglitz D. (2015) *The price of inequality. Than the stratification of society threatens our future*. Moscow, Eksmo. 508 p. (In Russian)
- Sukiassyan G. (2007) Inequality and growth: What does the transition economy data say? *Journal of Comparative Economics*, vol. 35, iss. 1, pp. 5–56.
- Transition report 2016–17. European Bank for Reconstruction and Development*. URL: <https://tr-ebrd.com/inequality-of-opportunity/> (дата обращения: 19.12.2019).
- Tuominen E. (2016a) Changes or levels? Reassessment of the relationship between top-end inequality and growth. *Working Papers 1609*. University of Tampere, School of Management, Economics. 36 p.
- Tuominen E. (2016b) Top-end inequality and growth: Empirical evidence. *Working Papers 1608*. University of Tampere, School of Management, Economics. 34 p.

- Wahiba N., El Weriemmi M. (2014) The relationship between economic growth and income inequality. *International Journal of Economics and Financial Issues*, vol. 4, iss. 18, pp. 135–143.
- World Development Report 2006: Equity and Development*. (2005) World Bank. Washington, DC, World Bank. 320 p.
- Zhang Y., Eriksson T. (2010) Inequality of opportunity and income inequality in nine Chinese provinces, 1989-2006. *China Economic Review*, vol. 21, iss. 4, pp. 607–616.

Received: 15.09.2019

Accepted: 17.09.2020

Authors' information:

Zulfiya F. Ibragimova — PhD in Economics, Associate Professor; badertdinova@mail.ru

Marina V. Frants — PhD in Technics, Associate Professor; tan-Marina@mail.ru